

Л. Э. Заварзина



**НАСЛЕДИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
Н. Ф. БУНАКОВА В ЖУРНАЛЕ
«ПЕДАГОГИКА»
 («СОВЕТСКАЯ ПЕДАГОГИКА»):
к 180-летию Н. Ф. Бунакова
и 80-летию журнала «Педагогика»**

УДК 37(092)(091)

ББК 74.03(2)6-8 Бунаков Н. Ф.

В статье рассмотрена история создания журнала «Советская педагогика» («Педагогика») и проанализировано освещение в нем деятельности и взглядов Н. Ф. Бунакова.

Ключевые слова: Великая Октябрьская революция; педагогические журналы; «Советская педагогика» («Педагогика»); Н. Ф. Бунаков; первоначальное обучение; «учитель учителей»; Петинская народная школа.

L. E. Zavarzina

**THE HERITAGE AND ACTIVITY OF N. F. BUNAKOV
IN THE JOURNAL «PEDAGOGY»
 («SOVIET PEDAGOGY»):
to the 180-th anniversary of N. F. Bunakov
and 80-th anniversary of the journal «Pedagogy»**

The paper dwells on the history of creation of the journal «Soviet Pedagogy» («Pedagogy»), the journal's coverage of the activity and views of N. F. Bunakov is analyzed.

Key words: Great October Revolution; pedagogical journals; «Soviet Pedagogy» («Pedagogy»); N. F. Bunakov; initial education; «teacher of the teachers»; Petinskaya national school.

К концу 1917 г. в связи со свершившимся октябрьским переворотом, позднее названным советскими историками Великой Октябрьской соци-

алистической революцией, начались грандиозные преобразования не только в политической и социальной жизни россиян, но и в культурной. Духовные

отечественные традиции, складывавшиеся веками, подвергались крутой ломке, ценности переоценивались, и вообще радикально переписывалась история культуры страны. Словом, все богатое культурное наследие великого народа подверглось ревизии. Литература, философия, педагогика — все гуманитарные области знания были расщеплены, по словам В. В. Розанова, «на правое и левое движение. Все левое движение отшатнулось от всего духовного»¹.

Новая пролетарская культура демонстративно отрывалась от истинно национальных корней. Так, Пролеткульт, созданный по инициативе А. В. Луначарского и ставший самой массовой писательской организацией, в первую очередь учитывал классовую детерминированность творчества художника. Пролеткультовцы резко противопоставили пролетарскую культуру всей предшествующей. Они руководствовались такими положениями: «Никогда она [пролетарская литература] не должна говорить «да» там, где говорит «да» буржуазия; «рабочий-писатель должен не учиться, а творить»; «буржуазный язык, буржуазная литература должны быть ликвидированы». Пролеткульт рьяно боролся за чистоту своих рядов, стремясь изолироваться от всех, кто не «от станка»: от крестьянства и интеллигенции².

Инициатива пересмотра национального культурного наследия исхо-

дила от партийного руководства страны. Начиная с VIII съезда РКП(б) (март 1919), на котором впервые прозвучало знаменитое ленинское определение русской нации как «нации кулацкой и давящей», целенаправленно культивировалось негативное отношение к истории России, ее народным героям, фольклору, богатому духовному наследию. «Только ненависть и презрение может вызвать прежняя царская Россия», — горячо утверждал революционер Н. А. Скрыпник, впоследствии партийно-советский функционер³. Официальный историк молодого советского государства М. Н. Покровский и его школа пришли к убеждению, что термин *русская история* есть контрреволюционный термин. Названия «русская история», «история России», по мнению советских историков, пронизаны великодержавным шовинизмом и не могут быть приняты марксистской историографией. Поэтому Первая Всесоюзная конференция историков-марксистов (28.12.1928 — 4.01.1929) ввела в научный оборот термин «история народов СССР». В учебниках М. Н. Покровского русская история освещалась исключительно в негативном плане, Россия именовалась не иначе, как «тюрьма народов».

В числе первых ощутила на себе революционные преобразования педагогическая периодика, являвшаяся движущей силой педагогического прогресса и выступавшая могучим средством обогащения педагогической

¹ Розанов В. В. Собр. соч. Русская государственность и общество (Статьи 1906–1907 гг.) / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М., 2003. С. 268.

² См.: История русской советской литературы / Под ред. П. С. Выходцева. М., 1974. С. 35.

³ XI съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1968. С. 74.

теории, летописью событий, происшедших в образовании, органом общественного мнения о воспитании, воспитательницей самих воспитателей.

«Журнал министерства народного образования», издававшийся без перерыва с 1834, прекратил свое существование уже в 1917 г. В 1918 г. завершилась история «Педагогического сборника», вызванного к жизни эпохой Великих реформ и издававшегося Главным управлением военно-учебных заведений. Руководящей идеей журнала была идея воспитывающего обучения, понимаемая как воспитание широко образованного человека с твердыми нравственными убеждениями, способного самостоятельно и творчески работать. Закрытие издания не помешало и тот факт, что в нем публиковался цвет педагогической мысли России: К. Д. Ушинский, В. И. Водовозов, В. А. Евтушевский, Н. Ф. Бунаков, А. Н. Острогорский, П. Ф. Каптерев, П. Ф. Лесгафт, Д. Д. Семенов, Н. Г. Дебольский, К. К. Сент-Илер и другие выдающиеся педагоги. Советская Россия не нуждалась в журнале, являвшимся «веским доказательством мощности и творческой способности русской педагогики», без которого, по словам современника, «нельзя написать историю русской педагогики второй половины XIX века»¹.

Не выдержал революционного натиска и другой «прогрессивный педа-

гогический орган, внесший много света и правды в русское педагогическое дело, воспитавший на идеалах живой, разумной, научной педагогической мысли поколения практических школьных деятелей»² — журнал «Русская школа» (1890—1917), деятельность которого определялась «настойчивой неотложностью широкой постановки общепедагогических и общественно-педагогических вопросов»³.

Издававшийся в Москве с 1890 г. Е. А. Покровским и Н. Ф. Михайловым и пользовавшийся большой популярностью у воспитателей и родителей журнал «Вестник воспитания» к концу 1917 г. также был закрыт.

На смену этим и другим дореволюционным журналам пришли новые, реализовывавшие общее, комплексное (например, «Народное просвещение» (1918—1930); «Коммунистическое просвещение» (1920, 1922—1930); «На путях к новой школе» (1922—1933); «Народный учитель» (1924—1935) и др.) или частного направления («Жизнь рабочей школы» (1923—1930); «Фабзавуч» (1924—1925); «Детский дом» (1928—1930); «Организуем детвору» (1929—1935) и др.) в педагогике и образовании.

Все эти и многие другие издания были проводниками партийно-государственной линии в образовании. Лишь в самом начале существования Советского государства имел место

¹ Д. Л. По поводу 50-летия «Педагогического сборника» // Вестник воспитания. 1915. № 1. С. 91.

² Роков Г. Двадцатипятилетие «Русской школы» // Вестник воспитания. 1915. № 1. С. 82.

³ Лапиов И. К 25-летию журнала «Русская школа» // Педагогический сборник. 1915. № 2. С. 229.

некий педагогический плюрализм. Оппозицию Наркомпросу составили: издания Всероссийского учительского союза («Известия ВУСа», «Народный учитель» и «Учитель»), публиковавшие, к примеру, альтернативные демократические проекты ВУСа (закрыты решением ВЦИК в ноябре 1918); либерально-демократические журналы («Новая школа», «Свободное воспитание и свободная школа»), пытавшиеся соединить идеи социализма и свободного воспитания (закрыты в январе 1919); журнал «Педагогическая мысль», выходивший в Петрограде с 1918 г., выступавший против политизации и идеологизации школы, был запрещен в 1924 г. Причиной запрета послужила публикация статей П. Ф. Каптерева, А. П. Пинкевича и И. М. Гревса.

Международная обстановка, резко обострившаяся уже к началу 30-х гг. XX в., заставила И. В. Сталина и его окружение обратить самое пристальное внимание на школу. К этому времени уже был установлен фашистский режим Муссолини в Италии; в 1933 г. рейхсканцлером Германии стал Гитлер, в следующем году он к этой должности присоединил еще и пост президента, став единоличным правителем государства; в 1936 г. будущий диктатор и глава (каудильо) Испании Франко возглавил военно-

фашистский мятеж против Испанской республики. На Дальнем Востоке усиливалось влияние японского милитаризма. Все это делало международную обстановку чрезвычайно тревожной и взрывоопасной. Э. И. Монозон, говоря об этом периоде в советской истории, подчеркивал, что партия и народ «не только занимались мирным строительством, но и активно готовились к обороне. В этих условиях решающее значение приобрела подготовка образованных и квалифицированных кадров для народного хозяйства и их идейно-политическое воспитание. Ведущая роль отводилась общеобразовательной школе, в работе которой наряду с большими достижениями обнаруживались и серьезные недостатки»¹.

Советская педагогика и в особенности школа в середине и второй половине 30-х гг. XX в. пережила серьезные трансформации. Во-первых, был принят ряд Постановлений ЦК ВКП(б), касающихся непосредственно начальной и средней школы, во-вторых, стала налаживаться прерванная Октябрем педагогическая преемственность. Это проявилось, прежде всего, в том, что К. Д. Ушинский был назван «великим русским педагогом»², а наследие его было признано актуальным и рекомендовалось к изучению³, наконец, в-третьих, была проведена реформа педагогических журналов:

¹ Монозон Э. И. Становление и развитие советской педагогики, 1917–1987. М., 1987. С. 71.

² Мурманов Д. Великий русский педагог и его судьбы // Правда. 1937. № 99.

³ Подробнее см.: Заварзина Л. Э. Актуализация педагогических идей К. Д. Ушинского в канун Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Историко-педагогический журнал. 2015. № 2.

вместо всех прежних изданий, закрытых в 1936 г. или ранее, в 1937 г. был создан журнал «Советская педагогика». Партийно-советское руководство, памятуя о том, что «журнал стоит трибуны» (В. Г. Белинский), делало ставку на вновь созданное издание, которое должно было доказать ученым-педагогам, учителям, воспитателям и всей педагогической общественности, что «социалистическая педагогика — высший этап развития педагогической мысли». В это же время стали выходить методические журналы.

Уже в первом номере нового журнала среди других разнообразных рубрик был раздел, посвященный истории педагогики. Его объем постоянно варьировался: от одной-двух статей до нескольких в одном номере. В первые годы издания «Советской педагогики» наиболее частыми были материалы, посвященные жизни и деятельности К. Д. Ушинского: партийно-государственный заказ и личные интересы исследователей соединились в благостном порыве. Предметом исследования советских историков педагогики стали, прежде всего, взгляды на воспитание и образование революционеров-демократов: В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева, Н. Г. Чернышевского, Н. В. Шелгунова. Затем исследовательский маятник переместился в сторону И. Н. Ульянова, Н. К. Крупской и, конечно, А. С. Макаренко.

Вот как освещались в «Советской педагогике» («Педагогике») педагогические взгляды и деятельность того, кто еще при жизни получил почетное звание «учитель учителей» — Николая Федоровича Бунакова (1837—1904).

За 80 лет существования журнала этому учителю словесности, работавшему, по его словам, «неутомимо и добросовестно, горячо и с хорошими результатами», энергичному общественному деятелю, прежде всего отстаивавшему интересы земской школы, глубокому теоретику и практику первоначального обучения, автору учебных книг, многократно переиздававшихся, незаурядному публицисту, талантливому писателю и «забористому» критику, основателю народной школы в с. Петино Воронежской губернии, создателю первого в России крестьянского театра, авторитетному руководителю и эрудированному лектору многочисленных учительских съездов и курсов для учителей посвящено восемь статей.

Несмотря на то что Н. Ф. Бунаков был страстным последователем К. Д. Ушинского, активным пропагандистом обязательного всеобщего начального образования, истинным просветителем народа, первая публикация о нем в престижном советском журнале появилась лишь в 1944 г.¹ Не способствовала более раннему появлению материалов о Н. Ф. Бунакове даже описанная его супругой картина погребения воронежского педагога на известном в С.-Петербурге Волковом

¹ Бендриков К. Е. Педагогическая система Н. Ф. Бунакова // Советская педагогика. 1944. № 4; № 5–6.

кладбище, где нашли вечное упокое-ние многие выдающиеся соотечест-венники, в особенности литераторы. Похороны выдающегося подвижника русский народной школы получили большой общественный резонанс, поскольку вылились в своеобразный протест против самодержавия. Как писала Л. И. Бунакова, провожали гроб «учителя учителей» «несколько сот студентов, которые пели револю-ционные песни до самого кладбища, лучшие люди Петербурга и многие из приехавших земцев»¹. Было много венков, надписи на которых ярко и убедительно характеризовали умер-шего: «Борцу за свободную Россию», «Лучшему гражданину», «Учителю учителей», «Истинному педагогу», «Незабвенному деятелю от воронеж-ского уездного земства». В речах вы-ступавших перед открытой могилой звучала не только оценка деятель-ности Н. Ф. Бунакова как педагога, человека и общественного деятеля, но и слышался призыв к участникам траурной процессии, да и всего обще-ства «воодушевиться примером этого погибшего за правду, за благо своего родного народа человека и дружным натиском окончательно разрушить подгнившее здание»². Один из сту-дентов так закончил свою речь: «На этой могиле я призываю русское об-щество к борьбе с самодержавием».

Интересная и нужная инфор-мация, содержащаяся в статьях о

Н. Ф. Бунакове, позволит совре-менному читателю ближе узнать эту незаурядную личность, понять его взгляды на образование и представить его многогранную деятельность. Все материалы о воронежском педагоге, кроме одного, — это большие статьи, раскрывающие основные этапы жиз-недеятельности Н. Ф. Бунакова и характеризующие его педагогические взгляды. Заметка же В. И. Кузнецова предваряет записку педагога «О ма-лой продуктивности земских школ», написанную незадолго до смерти и напечатанную только однажды в жур-нале «Постановления Воронежской городской думы за последнюю треть 1904 г.»³.

Практически все авторы каса-ются (в разном объеме) биографии Н. Ф. Бунакова, что очень важно, поскольку нельзя говорить о взгля-дах какого-либо конкретного де-ятеля, ничего не зная о его жизни. Освещая Вологодский период жиз-ни Н. Ф. Бунакова, где он родил-ся в 1837 г., В. З. Смирнов и В. Я. Суховерхов, в частности, отметили, какую значимую роль в становле-нии личности будущего педагога и выборе им деятельности сыграли талантливые учителя Вологодской гимназии, в которой он учился. Так, Н. П. Титов, преподававший рус-ский язык в младших классах, слу-жил способному гимназисту образ-цом для подражания, а словеснику

¹ Бунакова Л. И. [Предисловие] // Бунаков Н. Ф. Записки. Моя жизнь, в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной. 1837–1905. СПб., 1909. С. XVII.

² Там же. С. XVIII.

³ Кузнецов В. И. Учитель учителей // Сов. педагогика. 1972. № 8. С. 106.

Н. П. Левитскому юноша был обязан увлечением русской литературой, в особенности произведениями А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, В. Г. Белинского¹.

Материальное положение семьи не позволило даровитому юноше продолжить обучение. Однако отсутствие высшего образования не вызывало у Н. Ф. Бунакова сожаления, наоборот, по его словам, придавало его личности «одну резкую черту, не особенно редкую у нас на Руси, но недостаточно подчеркнутую нашими наблюдателями». С подлинным самоуважением и нескрываемым достоинством он писал в своих воспоминаниях: «Эта моя личная черта состоит в том, что я самоучка, в самом полном и широком смысле этого слова... Своими знаниями и своими идеями, своим умственным развитием и своей деятельностью, каковы бы они ни были, я обязан — книгам и самому себе»². Н. Ф. Бунаков, таким образом, пополнил когорту выдающихся самоучек, среди которых великие Ж.-Ж. Руссо, А. В. Кольцов, Л. Н. Толстой, М. Горький, К. Чуковский. К сожалению, никто из авторов не обратил внимания на эту важную черту характера личности педагога: дойти до всего самому.

После окончания гимназии Н. Ф. Бунаков учительствовал в Тотемском, Кадниковском и Вологодском уездных училищах, а с

1862 г. преподавал в младших классах мужской и женской гимназиях Вологды³. Наряду с учительской деятельностью, он успешно занимался этнографией, политической экономией, статистикой, литературой. В. Я. Суховерхов назвал некоторые статьи Н. Ф. Бунакова краеведческой направленности: «Зверинный промысел Вологодской губернии», «Сельскохозяйственные очерки», «Населенные местности Вологодского края», «О движении народонаселения», «Два образчика русского эпоса», «О пребывании Ивана Грозного в Вологде». С особым увлечением, подчеркивал В. Я. Суховерхов, Н. Ф. Бунаков занимался художественной литературой. Он регулярно публиковал свои рассказы, повести, очерки, литературоведческие статьи в журналах «Современник», «Библиотека для чтения», «Русское слово», «Время» и др. Особенно ему удавались художественные произведения обличительного характера. В сочинениях «Село на юру», «Новым духом веет», «Город и деревня», «Лихой год», «Бесовское наваждение», отмечал воронежский автор, «высмеиваются нравы и обычаи местной аристократии, разоблачается ее показной либерализм. В повести «Бесовское наваждение» местное общество и местные власти изображены с особым сарказмом»⁴. Неудивительно, что возмущенные чиновники потребовали

¹ Суховерхов В. Я. Учитель народных учителей // Сов. педагогика. 1987. № 11. С. 114.

² Бунаков Н. Ф. Указ. раб. С. 1.

³ Смирнов В. З. Видный деятель народного образования и педагогики (к 125-летию со дня рождения Н. Ф. Бунакова) // Сов. педагогика. 1962. № 12. С. 50.

⁴ Суховерхов В. Я. Указ. раб. С. 115.

избавиться от «беспокойного человека», который выносит «из избы много сору». Решено было перевести Н. Ф. Бунакова в Полоцкое дворянское училище, но он отказался там работать и отправился в Петербург. Так В. Я. Суховерхов, пожалуй, единственный из авторов, назвал причину появления молодого педагога в столице империи.

В Петербурге Н. Ф. Бунаков занимался литературным трудом и вместе с известным педагогом Ф. Ф. Резенером работал в бесплатной начальной школе «для уличных детей» (на Васильевском острове). Педагоги подолгу и страстно обсуждали статьи Н. А. Добролюбова, Н. И. Пирогова, Л. Н. Толстого, соглашаясь с тем, что вопросы воспитания действительно являются «вопросами жизни». Н. Ф. Бунаков в начале своего пребывания в столице находился в глубоком раздумье относительно будущей деятельности. И лишь знакомство с К. Д. Ушинским окончательно определило его жизненный путь. Об этом ключевом событии в жизни молодого человека написали все авторы. Однако только у И. Н. Нестеровой читаем, что первое впечатление, произведенное К. Д. Ушинским на Н. Ф. Бунакова, было скорее отрицательным. Это заключение она делает, основываясь на мнении Николая Федоровича, который в своих воспоминаниях писал: «Личность Ушинского, говоря откровенно, для меня была не особенно симпатична. Я видел в нем (может быть, и ошибочно) странную и несим-

патичную мне смесь умеренного либерализма с благонамеренным генеральством... В нем, на мой взгляд, выделялся большой ум и талант, много знающий и много передумавший, но не энтузиаст, больше педагог-книжник, нежели педагог-деятель. И по наружности, и по манерам держать себя он напоминал не Песталоцци и Дистервега, а русского директора-генерала, скорее чиновника, нежели педагога, учителя, воспитателя. Но беседы с Ушинским все-таки разом затронули в моей душе ту педагогическую жилку, которая заговорила громче, настойчивее, и я решил, что одно только учительство — истинное мое дело, которому я могу отдаться всей душой, и весь, без остатка»¹.

Сдав в Петербурге специальный экзамен на звание преподавателя военной гимназии при Главном управлении военными учебными заведениями, Н. Ф. Бунаков был утвержден в должности преподавателя русского языка и словесности в воронежской Михайловской военной гимназии, только что преобразованной из кадетского корпуса.

Так в 1866 г. начался воронежский период в жизни педагога. Жаль, что никто из авторов (среди них есть и воронежцы) не отметил, какое впечатление произвело на молодого педагога новое местопребывание. Сам же Н. Ф. Бунаков вспоминал об этом так: «Воронеж произвел на меня самое приятное впечатление: широкие и прямые улицы, обсаженные пи-

¹ *Нестерова И. Н.* Н. Ф. Бунаков — учитель, ученый, литератор // Педагогика. 2014. № 9. С. 93.

рамидалными тополями, тенистый городской сад; красивый памятник Петру Великому; красивые каменные постройки, на улицах большое оживление; наконец, знакомство с симпатичными и интеллигентными людьми... Кроме того, за Воронеж говорила его литературная известность. Родина Кольцова и Никитина, этот город давно привлекал мои симпатии («Филологических записками» и сборником «Воронежская беседа» (Глотов и Де-Пуле) с «Записками семинариста» и стихами Никитина, с лекцией Каченовского, статьёй Де-Пуле о Кольцове и другими интересными статьями и материалами»¹.

В Воронежской военной гимназии около Н. Ф. Бунакова образовался тесный кружок передовых педагогов, которые размышляли над улучшением первоначального воспитания и обучения детей согласно педагогическим идеям эпохи Великих реформ. И. В. Чувашев подробно осветил эту сторону деятельности Н. Ф. Бунакова. Советский историк дошкольной педагогики, комментируя большую статью Н. Ф. Бунакова «В чем нуждаются воронежские дети?» («Воронежский листок», 9 и 12 марта 1867), в частности, отметил, что прибывший в Воронеж педагог приветствовал идею развития детских садов в России, начало издания в Петербурге журнала «Детский сад». Н. Ф. Бунаков в статье также резко критиковал практику семейного воспитания детей дошколь-

ного возраста, указывая, что этот возраст имеет большое значение в формировании личности человека².

И. В. Чувашев также привел большую цитату из статьи Н. Ф. Бунакова, актуальность которой оказалась вневременной: «Господствующая у нас система воспитания имеет тот существенный недостаток, что ограничивается определенным, так сказать, вторым периодом детства, раннее развитие ребенка представляя природе и случаю... Первое детство по какому-то странному заблуждению считается неважным; впечатлениям и влияниям этого периода не придается надлежащего значения; нелепости, ложные представления ребенка, позаимствованные от нянек, а часто и матерей, вызывают только смех, обращаются в забаву, как будто они вовсе не отзовутся в дальнейшем развитии человека... Между самими родителями у нас весьма развита действительно дурная наклонность — образовывать своих детей в куколок; слово *кукол-ка* в известных кругах даже сделалось синонимом ребенка, который нравится, а вместе с этим существует стремление искусственно создавать из детей карикатурное, забавное подобие взрослых людей, ставить их в условия, не соответствующие детскому возрасту, втягивать в занятия и забавы, не свойственные неиспорченной детской натуре...

... Легкость отношения к детскому возрасту еще сильно развита в нашем

¹ Бунаков Н. Ф. Указ. раб. С. 68.

² Чувашев И. В. Деятельность Н. Ф. Бунакова по дошкольному воспитанию и первоначальному обучению детей // Сов. педагогика. 1963. № 5. С. 123–124.

обществе. А между тем, в сущности, первое-то детство и есть самая важная пора воспитания, дающая самые неизгладимые впечатления и обуславливающая все развитие человека»¹.

Статья Н. Ф. Бунакова вызвала на страницах газеты «Воронежский листок» дискуссию по воспитательно-образовательной работе с детьми дошкольного и раннего школьного возраста и по вопросу организации детского сада в Воронеже. Сначала редакция газеты прокомментировала материал педагога, затем Н. Ф. Бунаков выступил с ответной статьей «Недоразумения» (30 марта 1867). И. В. Чувашев осветил суть завязавшейся полемики, а также констатировал, что кружком педагогов Воронежской военной гимназии было решено открыть детский сад и подготовительную элементарную школу. Организацию этой школы, тесно связанной с детским садом, взял на себя Н. Ф. Бунаков. На собраниях кружка были составлены и обсуждены устав и программа платных детского сада и элементарной школы. В «Воронежском листке» был опубликован проект устава и программы детского сада, разработанные под руководством Н. Ф. Бунакова. И. В. Чувашев процитировал этот проект, в котором цель детского сада формулировалась так: «Всестороннее развитие детей первого возраста».

Во второй части статьи «В чем нуждаются воронежские дети?» (Воронежский листок, 1867, № 50, 51, 52) Н. Ф. Бунаков, отмечал

И. В. Чувашев, изложил основные вопросы организации, содержания и методики воспитательно-образовательной работы подготовительной школы для детей от 7 до 10 лет, после окончания которой они могут поступить в гимназию. В августе 1867 г. такая школа была открыта.

Большинство авторов проанализировало особенности учебно-воспитательной работы начальной подготовительной школы, задача которой — улучшить первоначальное обучение, являющееся фундаментом образования, уделяя внимание общему развитию детей, а не натаскиванию их к вступительному экзамену. В школе отсутствовало всякое насилие, обучение велось с учетом интересов и сознательного отношения к нему детей; широко применялась наглядность; развивалась самостоятельность в воспитании детей. К. А. Асеева перечислила предметы, по которым шло обучение в младшем, среднем и старшем отделениях школы². Программа обучения была очень широкой.

Характерной чертой работы подготовительной школы, которой Н. Ф. Бунаков руководил 17 лет, была гласность. Ежегодные отчеты публиковались в столичной и провинциальной печати («Педагогический сборник», «Учитель», «Семья и школа», «Детский сад», «Воронежский листок»). Учебники и учебные пособия, изданные в этот период («Азбука и уроки чтения и письма», «Руководство к обучению грамоте по звуковому

¹ Там же. С. 124.

² Асеева К. А. Выдающийся русский педагог Н. Ф. Бунаков (К 50-летию со дня смерти) // Сов. педагогика. 1954. № 6. С. 110.

способу», «Уроки начальной русской грамматики»), сделали имя Н. Ф. Бунакова хорошо известным учителям всей России. «Превосходное знание школьного дела и литературная известность в качестве автора прекрасных учебных книг, — отмечал К. Е. Бендриков, — дали повод организаторам всероссийского учительского съезда пригласить Бунакова в 1872 г. лектором для народных учителей на тему «Обучение родному языку в начальной школе», включая сюда наглядные уроки, обучение грамоте, объяснительное чтение, письменные работы и грамматику»¹.

Не все авторы обратили пристальное внимание читателей на участие Н. Ф. Бунакова в этом знаменательном для России событии — Первой Всероссийской политехнической выставке, состоявшейся в Москве в 1872 г. Правда, в качестве эпиграфа к своей статье В. Я. Суховерхов взял отрывок из книги М. С. Шагинян «Первая Всероссийская»: «В этот день, одиннадцатого июля, Бунаков показал, почему на нем, воронежце, а не на москвиче или петербуржце остановило свой выбор военное министерство. Лекция его сделана была с таким оригинальным, собственным, творческим разумением, что проводили ее слушатели чуть ли не овацией». Эта выставка стала настоящим событием в жизни страны, получила большой общественный резонанс, имела огромное значение для культурного развития общества в целом

и в особенности для учителей народных школ. Значимость этого явления подчеркнула М. С. Шагинян в названии своего романа-хроники. Автор, повествуя о жизни и деятельности И. Н. Ульянова, инспектора народных училищ Симбирской губернии, педагога-гуманиста, добросовестно выполнявшем свои профессиональные обязанности, намеренно сделала центральным событием произведения Политехническую выставку и, в частности, педагогические чтения для народных учителей. В России, пожалуй, впервые на правительственном уровне решалась проблема народного образования. В романе об этом М. С. Шагинян писала так: «Педагогические чтения», задуманные Милютиным и подготовленные усилиями его помощника Исакова, были, в сущности, гвоздем познавательного раздела Выставки»². Первая Всероссийская политехническая выставка была приурочена к 200-летию Петра Великого. В рамках этого грандиозного мероприятия по инициативе прогрессивного военного министра Д. А. Милютина проводились педагогические чтения для народных учителей. Государству нужны грамотные, знающие солдаты, а это значит, что грамотным и знающим должно быть крестьянство, а для этого нужны подготовленные, образованные учителя, умеющие преподавать.

М. С. Шагинян писала роман-хронику на основе архивных источников, периодической печати последней тре-

¹ Бендриков Н. Ф. Педагогическая система Н. Ф. Бунакова // Сов. педагогика. 1944. № 4. С. 46.

² Шагинян М. С. Лениниана. М., 1980. С. 282.

ти XIX в., воспоминаниях участников педагогических чтений. Историзм, документированность в совокупности с художественной подачей материала позволили автору воссоздать правдивую картину событий. Н. Ф. Бунаков в романе М. С. Шагинян предстает живым, творческим, эрудированным лектором, методистом высокого класса, понравившимся не только учителям народных школ, но и взыскательному инспектору И. Н. Ульянову. В романе воронежский педагог показан, к примеру, так: «Бунаков между тем развивал свою лекцию дальше, и на том же высоком уровне. Он был в ударе сегодня. Почти вдохновенно объяснил разницу между чтением механическим и сознательным, роль чтения вслух для того, чтоб не читать механически, наконец — роль выразительного чтения, когда понимаешь прочитанное и пытаешься правильной интонацией, повышением и понижением голоса, вопросительностью, убедительностью, одобрением, возмущением, лаской, горечью в голосе передать понимание смысла того, что читаешь»¹.

Так эпиграф, предпосланный статье, расширяет ее объем, развивает интерес к теме и в целом к истории педагогики.

Еще одним событием, способствующим популярности Н. Ф. Бунакова, стала, как это ни парадоксально, критическая статья Л. Н. Толстого «О народном образовании» («Отечественные записки», 1874, сент.). Трое авторов: К. Е. Бердников,

К. А. Асеева и И. Н. Нестерова коснулись сущности спора двух педагогов, вызванных этой статьей. И. Н. Нестерова наиболее обстоятельно проанализировала суть этой полемики.

Дело в том, что «новое обучение и новая школа, созданная земством», вызвали у Л. Н. Толстого ряд критических замечаний. «Великий писатель земли Русской» отметил сильное влияние немецкой педагогики, которое прежде всего проявилось в использовании звукового метода при обучении чтению. Он не мог также согласиться с тем, что некоторые педагоги, в частности Н. Ф. Бунаков, толкуют наглядность слишком широко: не только как принцип или метод обучения, но и возводят ее в ранг универсального предмета начального обучения. Л. Н. Толстой и Н. Ф. Бунаков разошлись и в вопросе о необходимости, роли и месте объяснительного чтения. Возможно оттого, что Н. Ф. Бунаков называл учащихся маленькими *дикарями*, он в своей книге «Родной язык как предмет обучения» стремился растолковать школьникам даже самые элементарные понятия, чем вызвал критику яснополянского педагога. Уличая детей в незнании самых простых вещей, Н. Ф. Бунаков сам допустил «ряд сплошных ошибок против языка», подчеркивал Л. Н. Толстой². Писатель обвинял педагогов в незнании народа, поскольку «они смело говорят, будто в крестьянскую школу приходят дикари, и потому смело учат

¹ Там же. С. 349.

² Толстой Л. Н. Пед. соч. М., 1989. С. 301.

их тому, что *вниз*, что *вверх*, что классная доска стоит на подставке и под нею лоточек. Они не знают того, что если бы ученики спрашивали учителя, то очень много бы оказалось вещей, которых не знает учитель, что если, например, стереть краску с доски, то всякий почтитель мальчик скажет, из какого дерева эта доска: еловая, липовая или осиновая, чего не скажет учитель»¹.

Как справедливо отмечает И. Н. Нестерова, «полемика Н. Ф. Бунакова и Л. Н. Толстого охватывала не только различные представления о методе обучения грамоте и использования наглядности. Это был спор о целях и задачах народной школы, ее характере, об уровне профессиональной подготовки учителя, о роли земства и т. д.»². Неудивительно, что статья Л. Н. Толстого вызвала большой общественный резонанс. Интерес к ней усилился еще и потому, что ее написал автор «Детства», «Севастопольских рассказов», «Войны и мира». Вывод редактора журнала «Семья и школа» Ю. И. Симашко совершенно верен: «Будь эта статья помещена на страницах другого журнала, не будь она подписана именем гр. Толстого, она прошла бы незаметно, на автора ее указывали бы пальцем как на лицо, рассуждающее о предмете, совершенно ему чуждом»³.

Н. Ф. Бунаков, как он впоследствии писал о себе, «был страшно

потрясен статьей гр. Толстого» и не столько потому, что на него действовали «оскорбительные глумления», сколько потому, что его стали одолевать сомнения в необходимости своей деятельности: «полезное ли дело делаю, как “учитель учителей”, — не сбивал ли с толку и работников народной русской школы, и самую эту школу, и земство в его заботах о народном образовании?»⁴. Воронежский педагог решился ответить именитому автору, и в журнале «Семья и школа» было опубликовано «Письмо к редактору по поводу статьи гр. Толстого», которое предварялось сочувственной редакционной выноской. Н. Ф. Бунаков, в частности, писал, что статья автора «Войны и мира» проникнута ложью и эта ложь заключается: «во-первых, в фальшиво идеальных воззрениях на народ, во-вторых, в намеренном искажении смысла той теории обучения, которая гр. Толстому не нравится, в-третьих, в поверхностном отношении свысока к чужим трудам и в неумеренном самоуважении»⁵.

К. А. Асеева высказалась так по поводу этого письма воронежского педагога: «Как ни резок тон этой статьи, но в основных чертах Н. Ф. Бунаков правильно оценил выступление Л. Н. Толстого. Он не имел цели защитить себя лично от нападок великого писателя, он хорошо знал, что авторитетное заявление Л. Н. Толстого могло бы стать тормозом для разви-

¹ Там же. С. 314–315.

² Нестерова И. Н. Н. Ф. Бунаков – единомышленник или оппонент Л. Н. Толстого? // Педагогика. 2004. № 10. С. 65.

³ Семья и школа. 1874. № 10. С. 139.

⁴ Бунаков Н. Ф. Указ. раб. С. 114–115.

⁵ Семья и школа. 1874. № 10. С. 140.

тия методики обучения грамоте детей в народной школе, могло бы сбить с толку учительские массы, породить и без того бесчисленных врагов народной школы»¹.

Позже, осмысливая пройденный жизненный путь, Н. Ф. Бунаков заключил, что в статье Л. Н. Толстого «О народном образовании» «надо различать две стороны: справедливое и меткое указание гениального ума на некоторые преувеличения и односторонности, которыми грешили все деятели русской начальной школы того времени (в числе их и я)» и «собственные преувеличения и односторонности» знаменитого автора»². Воронежский педагог также сознался в том, что в его душе «не осталось никакого иного чувства к великому русскому художнику ... кроме чувства благодарности», поскольку статья Толстого «не умалила ни значения “звукового способа”, ни разумности “принципа наглядности в обучении”, ни важности специальной подготовки и широкого общего образования для народного учителя, ни стремления придавать обучению развивающий характер, ни веры в возможность такого характера и развивающую силу разумного обучения; но она побуждала всматриваться в народную жизнь, напоминая, что не народ существует для школы, а школа для народа, всматриваться в житейские условия

деятельности народной школы, в ее живые потребности; она побуждала относиться с должным уважением к правам и потребностям народной жизни и согласовать с ними дело обучения в народной школе»³.

Статья Л. Н. Толстого стала для Н. Ф. Бунакова «самой лучшей рекламой». К нему стали обращаться за советами, его книги «получили небывалую ходкость», издатели, как он сам потом писал, привлекали его в «свои издательские предприятия»⁴. Статистика подтверждает сказанное особенно красноречиво: «Азбука и уроки чтения» до 1917 г. выдержала до 100 изданий, книга для чтения «В школе и дома» вышла из печати 50 раз, «Книжка-первинка» — 38⁵. И уже в первый период своей деятельности в качестве «учителя учителей» (1872—1884) Н. Ф. Бунаков был руководителем и лектором одиннадцати съездов народных учителей и курсов для них.

К. Е. Бердников, В. А. Асеева, В. З. Смирнов, В. Я. Суховерхов заострили внимание читателей на деятельности Н. Ф. Бунакова-лектора. К. Е. Бердников, в частности, писал: «Тридцать лет (1872—1902) с неизменным успехом руководил Бунаков летними педагогическими курсами. На этих курсах тысячи народных учителей и учительниц, работавших в глухих деревнях далеких окраин Российской

¹ Асеева К. А. Указ. раб. С. 118.

² Бунаков Н. Ф. Указ. раб. С. 116.

³ Там же. С. 118.

⁴ Там же. С. 120.

⁵ Соловьева В. Д. Педагогические взгляды и деятельность Н. Ф. Бунакова. М., 1960. С. 147.

империи, получали методическую помощь и научно-педагогическое просвещение. В памяти работников земских школ надолго сохранился благородный облик Н. Ф. Бунакова, много лет печатно и устно трудившегося для просвещения деревенских учителей России. Благодарное учительство справедливо присвоило Бунакову при его жизни почетный титул «учителя учителей», который он носил с честью и вполне оправдал»¹.

Народные учителя платили Н. Ф. Бунакову любовью и признательностью, оказывали различные знаки внимания. Вот как, например, проходил отъезд «учителя учителей» из Нижнего Тагила (В. Я. Суховерхов основывался на архивных источниках): «Проводы были очень сердечные и даже трогательные, с теплыми речами... Когда я шел из вокзала в вагон с букетами в руках, передо мной по пути рассыпали цветы. Перед тем, как тронуться поезду, раздалось дружное *ура*»².

В 1884 г. Н. Ф. Бунаков осуществил свою заветную мечту: приобрел небольшое имение в селе Петино, в 20 км от Воронежа, где на свои средства построил здание для школы.

Петинская народная школа открылась 22 октября 1884 г. Она существовала на правах земской школы, получая от земства небольшие средства для оплаты труда учителей. Н. Ф. Бунаков как попечитель этого училища взял на себя большую часть

издержек на ее содержание. На свои средства он приобретал учебные книги, наглядные пособия, проводил ремонт здания и т. д.

Об этом знаменательном и значительном событии в жизни педагога, конечно, писали все авторы. Так, В. Я. Суховерхов привел развернутые примеры, характеризующие деятельность Петинского училища: день открытия школы, празднование 100-летия со дня рождения А. С. Пушкина. В. З. Смирнов обратил внимание на развитие письменной речи учащихся этой школы. С I класса вводились сочинения. Вначале детям давались несложные задания: описать рассмотренный на уроке предмет или картину по вопросам, предложенным учителем, и т. п. В старшем классе писались сочинения на темы, требовавшие природоведческих, исторических, географических и литературных знаний, например: «Река Дон в русской истории». Допускалась стихотворная форма сочинений. Практиковалась и такая своеобразная форма письменных работ, как переписка учащихся с учителем. Переписка, подчеркивал В. З. Смирнов, «содействовала развитию у детей умения анализировать, обобщать виденное и пережитое, выражать свои мысли в письменной форме»³.

Деятельность Н. Ф. Бунакова в Петинской школе, по мнению К. Е. Бердникова, позволила педагогу стать ближе к народным массам,

¹ Бендриков К. Е. Указ. раб. // Сов. педагогика. 1944. № 4. С. 46.

² Суховерхов В. Я. Указ. раб. С. 117.

³ Смирнов В. З. Указ. раб. С. 51.

глубже изучить их культурные запросы и материальные нужды. «Работа в деревенской школе обогатила его ценным педагогическим опытом, углубила его знания народной школы и дала обширный материал для проверки теоретических выводов и для улучшения его учебников и методических пособий; дала ему также возможность найти правильные методы и живые формы руководства летними учительскими курсами, помогла наполнить свои лекции практически ценным, глубоко идейным содержанием, зажигающим у восприимчивой учительской массы высокие стремления к общественному подвигу, к самоотверженному учительскому труду в деревенской школе»¹.

Авторы подчеркнули основные принципы деятельности Петинской школы: открытость и гласность, общеобразовательный и воспитывающий характер обучения, уважение личности ребенка, свободное развитие его природных сил, доступность и привлекательность занятий, воздействие на ученика положительного примера учителя. Обучение грамоте велось аналитико-синтетическим звуковым методом, чтение — по книгам Н. Ф. Бунакова «Азбука и уроки чтения», «Книжка-первинка», «В школе и дома». Важное место занимала арифметика, не менее существенное — пение. Однако центральным предметом в курсе обучения в народной школе педагог считал родной язык учащихся, обладающий развивающим и вос-

питывающим характером. «С целью воспитания человека-гражданина Николай Федорович предлагал ввести в начальной школе в качестве обязательного предмета курс родиноведения»². Преподавались в Петинской школе также краткий курс русской географии и мироведения, очерк отечественной истории, очерк минералогии, «сведения по зоологии, ботанике, физике».

Не обошли вниманием авторы и деятельность Н. Ф. Бунакова по созданию крестьянского театра. В. З. Смирнов, В. Я. Суховерхов, И. Н. Нестерова единодушно подчеркнули, что театр является публичной, общедоступной общественной школой. В. Я. Суховерхов остановился также на общественной деятельности педагога. Он, в частности, написал о чтении Н. Ф. Бунаковым публичных лекций о Пушкине, Некрасове, Тургеневе, Кольцове, Никитине, Гоголе. Сборы от них, как правило, шли на оказание помощи нуждающимся школьникам, а в голодные годы — пострадавшим крестьянам.

Таким образом, статьи разных авторов, не повторяясь, а дополняя друг друга, словно кусочки мозаики, помогли составить объемный цельный портрет Н. Ф. Бунакова, замечательного человека, гражданина, беззаветно любившего свою родину и связывавшего ее процветание с ее просвещением.

И все же некоторые авторы нашли, в чем можно упрекнуть народного педагога. Например, К. А. Асеева,

¹ Бердников К. Е. Указ. раб. // Сов. педагогика. 1944. № 4. С. 46.

² Нестерова И. Н. Н. Ф. Бунаков — учитель, ученый, литератор... С. 96–97.

анализируя выступление руководителя Петинской школы на заседании Комитета сельскохозяйственной промышленности (1902), в котором смело и остро были подвергнуты критике общественные «порядки», господствовавшие в России, констатировала, что в своих политических высказываниях он не поднялся выше уровня взглядов буржуазных демократов. Н. Ф. Бунаков, подчеркивала автор, «не понял, что народ, который он так горячо любил, освободит себя не путем реформ, а путем социалистической революции»¹. Кроме того, отмечала К. Е. Асеева, «идеал человека-гражданина, по Бунакову, был далек от идеала, провозглашенного революционными демократами 60-х годов XIX в. **Человек-гражданин**, по Бунакову, лишен классовой ненависти, непримиримости к врагу, не является сторонником революционного преобразования в России»². В. Я. Суховерхов, вторя К. А. Асеевой, писал, что, хотя политические взгляды Н. Ф. Бунакова «формировались под влиянием революционных демократов — Н. Г. Чернышевского и

Н. А. Добролюбова», педагог «не стал революционером»³. В. И. Кузнецов в небольшом вступлении, предваряющем записку Н. Ф. Бунакова «О малой продуктивности земских школ», также подчеркивал, что «в ней названы далеко не все причины упадка царской школы и не назван самый верный — революционный путь их устранения»³.

И еще одна ремарка: четыре из восьми статей (считая заметку В. И. Кузнецова) написаны по случаю юбилеев Н. Ф. Бунакова: публикации В. З. Смирнова и В. Я. Суховерхова посвящены «круглым» датам со дня рождения деятеля земской школы, а статьи К. А. Асеевой и И. Н. Нестеровой напоминают о скорбном дне смерти педагога. Полагаем, что современным историкам отечественной педагогики есть что сказать о самоотверженной, многогранной деятельности Н. Ф. Бунакова и о его педагогическом наследии, из которого много может черпать и учитель XXI века, не только в связи с юбилейными датами.

Список литературы

1. Асеева, К. А. Выдающийся русский педагог Н. Ф. Бунаков (К 50-летию со дня смерти) // К. А. Асеева // Сов. педагогика. — 1954. — № 6. — С. 109–122.

2. Бендриков, К. Е. Педагогическая система Н. Ф. Бунакова / К. Е. Бендриков // Сов. педагогика. — 1944. — № 4. — С. 45–48; № 5–6. — С. 23–29.

¹ Асеева К. А. Указ. раб. С. 113.

² Там же. С. 115–116.

³ Суховерхов В. Я. Указ. раб. С. 114.

³ Кузнецов В. И. Учитель учителей // Сов. педагогика. 1972. № 8. С. 106.

3. Бунаков, Н. Ф. Записки: Моя жизнь, в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной. 1837–1905 / Н. Ф. Бунаков. — СПб. : Типогр. т-ва «Общественная польза», 1909. — XXIV+364 с.
4. Бунакова, Л. И. [Предисловие] / Л. И. Бунакова // Бунаков Н. Ф. Записки. Моя жизнь, в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной. 1837–1905. — СПб. : Типография т-ва «Общественная польза», 1909. — С. I-XXIV.
5. Д. Л. По поводу 50-летия «Педагогического сборника» // Вестник воспитания. — 1915. — № 1.
6. Заварзина, Л. Э. Актуализация педагогических идей К. Д. Ушинского в канун Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / Л. Э. Заварзина // Историко-педагогический журнал. — 2015. — № 2. — С. 100–108.
7. История русской советской литературы / Под ред. П. С. Выходцева. — Изд. 2-е. — М. : Высшая школа, 1974. — 736 с.
8. Кузнецов, В. И. Учитель учителей / В. И. Кузнецов // Сов. педагогика. — 1972. — № 8. — С. 106.
9. Лапшов, И. К 25-летию журнала «Русская школа» / И. К. Лапшов // Педагогический сборник. — 1915. — № 2. — С. 229–232.
10. Монозон, Э. И. Становление и развитие советской педагогики, 1917–1987 / Э. И. Монозон. — М. : Просвещение, 1987. — 224 с.
11. Мурманов, Д. Великий русский педагог и его судьбы / Д. Мурманов // Правда. — 1937. — № 99.
12. Нестерова, И. Н. Н. Ф. Бунаков — единомышленник или оппонент Л. Н. Толстого? / И. Н. Нестерова // Педагогика. — 2004. — № 10. — С. 61–66.
13. Нестерова, И. Н. Н. Ф. Бунаков — учитель, ученый, литератор / И. Н. Нестерова // Педагогика. — 2014. — № 9. — С. 93–99.
14. XI съезд РКП(б). Стенографический отчет. — М., 1968.
15. Розанов, В. В. Собр. соч. Русская государственность и общество (Статьи 1906–1907 гг.) / В. В. Розанов; под общ. ред. А. Н. Николюкина. — М. : Республика, 2003. — 527 с.
16. Роков, Г. Двадцатипятилетие «Русской школы» / Г. Роков // Вестник воспитания. — 1915. — № 1. — С. 82–90.
17. Смирнов, В. Э. Видный деятель народного образования и педагогики (к 125-летию со дня рождения Н. Ф. Бунакова) / В. Э. Смирнов // Сов. педагогика. — 1962. — № 12. — С. 50–59.
18. Соловьева, В. Д. Педагогические взгляды и деятельность Н. Ф. Бунакова / В. Д. Соловьева. — М. : АПН РСФСР, 1960. — 183 с.
19. Суховерхов, В. Я. Учитель народных учителей. К 150-летию со дня рождения Н. Ф. Бунакова / В. Я. Суховерхов // Сов. педагогика. — 1987. — № 11. — С. 114–121.
20. Толстой, Л. Н. Педагогические сочинения / Л. Н. Толстой. — М. : Педагогика, 1989. — 544 с.
21. Чувашев, И. В. Деятельность Н. Ф. Бунакова по дошкольному воспитанию и первоначальному обучению детей / И. В. Чувашев // Сов. педагогика. — 1963. — № 5. — С. 122–127.
22. Шагинян, М. С. Семья Ульяновых. Тетралогия. Очерки и статьи / М. С. Шагинян — 2-е изд.. — М. : Мол. гвардия, 1980. — 814 с.